

дающіе Армиду въ ея замокъ, полные ревности и безпокойства*.

Рано открылась душа Лермонтова и другимъ впечатлѣніямъ. Когда ему было десять лѣтъ, Арсеньева, отправляясь полѣтиться кавказскими водами, взяла съ собой внука ¹⁾. Кавказъ съ своей поэтической и тогда еще страшной обстановкой жилъ въ воображеніи Лермонтова уже равьше: онъ до нѣкоторой степени былъ знакомъ съ нимъ и по художественнымъ описаніямъ въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ Пушкина и по рассказамъ бабушкиныхъ родственниковъ, жившихъ въ Пятигорскѣ и прѣзжавшихъ почти каждое лѣто въ Тарханы. Теперь онъ увидѣлъ этотъ Кавказъ воочию — и поразила его красотою. Въ тетради шестнадцатилѣтняго поэта записано: „Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня приучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ да о небѣ“...

Съ Кавказомъ же связана и первая любовь Лермонтова. „Тутъ встрѣтился онъ съ ребенкомъ-дѣвушкой, вызвавшей первую весеннюю грозу души и глубоко и надолго запавшей въ памяти мальчика. Она была немногимъ моложе Лермонтова, лѣтъ девяти. Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденныя движенія, а надъ нею синее южное небо, упирающееся въ сѣдые вершины кавказскихъ ледниковъ; ниже—хребты горъ, одѣтые причудливыми облаками, а вблизи шумъ воды, бѣгущей межъ скалъ по камнямъ; вокругъ пышная зелень въ блескѣ теплыхъ лучей иль облитая румянымъ закатомъ. Долго потомъ вспоминалъ мальчикъ-поэтъ этотъ Кавказъ и время первой съ нимъ встрѣчи, время первого пробужденія души“ (Висков. VI, 25). Черезъ нѣсколько страницъ послѣ приведеннаго нами обращенія къ Кавказу поэтъ написалъ слѣдующее стихотвореніе:

Хотя я судьбой на зарѣ моихъ дней,
О южныя горы, отторгнуть отъ васъ,—
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ.
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ.

Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ;
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ,

Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ,
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.

Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ!
Пять лѣтъ пронеслось—все тоскою по васъ.
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ—
И сердце лепечетъ, вспомянъ тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ.

Этою силою дѣтскихъ впечатлѣній и объясняется главнымъ образомъ, почему Кавказъ играетъ видную роль во многихъ изъ тѣхъ произведеній, которыя написаны Лермонтовымъ еще до 1837 года, т.-е. до вторичной его поѣздки въ эту мѣстность. „Хаджи-Абректъ“, „Измаилъ-Бей“, отрывокъ изъ поэмы „Черкесы“ и нѣкоторыя небольшія стихотворенія показываютъ, что фантазія Лермонтова часто и съ любовью устремлялась къ картинамъ природы Кавказа и его быта. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Кавказъ явился мѣстомъ дѣйствія и въ поэмѣ: „Демонъ“.

Первая любовь Лермонтова также оставила глубокіе слѣды. Онъ долго лелѣялъ образъ этой дѣвушки, и еще за полтора года до смерти, уходя душой отъ окружавшей его толпы столичнаго общества, искалъ успокоенія въ воспоминаніи о своей первой любви. Такъ, въ стихотвореніи: „Первое января“ читаемъ:

Я думаю о ней, я плачу и люблю.

Люблю мечты моей созданье,
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
За роцею первое сіянье...

Съ Кавказа Арсеньева снова вернулась въ Тарханы и прожила тамъ съ своимъ внукомъ еще около двухъ лѣтъ. Затѣмъ бабушка, заботясь о дальнѣйшемъ образованіи „Мишеля“, переселилась съ нимъ въ Москву и отдала его полупансіонеромъ въ „Благородный университетскій пансіонъ“. Лермонтову тогда пошелъ 14-ый годъ. Онъ поступилъ прямо въ пятый классъ. Преподавателями въ пансіонѣ были профессоры московскаго университета, и преподавались въ немъ почти всѣ науки, входившія въ кругъ университетскихъ факультетовъ, за исключеніемъ, конечно, медицинскаго, — и Лермонтовъ успѣвалъ въ этихъ наукахъ такъ хорошо, что получилъ даже награду на публичномъ годовомъ экзаменѣ.

Для освѣщенія пребыванія Лермонтова въ этомъ пансіонѣ, приводимъ слѣдующія строки изъ біографіи поэта, написанной Висковатымъ.

¹⁾ По другимъ извѣстіямъ, Арсеньева поѣхала на Кавказъ не для себя, а чтобы укрѣпить здоровье внука.